

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как умерший государь ночью посетил Танского монаха и как Сунь У-кун, применив волшебную силу, заманил в храм наследного принца

Итак, Трипитака не пошел спать, а остался в зале и при свете лампы стал поочередно читать то Лянхуай шуйчань, то сутру Павлина. Так он просидел за чтением до третьей ночной стражи. Наконец он спрятал книгу и только было собрался пойти к своей постели, как вдруг услышал за дверью какой-то странный шум, — казалось, воет ветер. Боясь, как бы не погас огонь, Трипитака поспешил заслонить свечу рукавом своей рясы. Пламя то ярко вспыхивало, то угасало. Трипитака почувствовал легкий трепет. Вдруг его охватила глубокая усталость, и, уронив голову на столик, он уснул. Однако разум его оставался совершенно ясным. Трипитака отчетливо слышал, как за окном воет ветер. О, что это был за ветер!

В неистовстве он гнал сухие листья,
Была свирепость в одичалом свисте,
И звезды робко меркли в небесах,
Он на земле кружил и пыль и прах;
Он рвал и разгонял по небу тучи,
И тучею вставал песок летучий.
Вдруг вихрь стихал — смолкал последний звук,
Лишь бормотал все жалобней бамбук;
Когда же вновь взлетал он с силой темной, —
Вставал на реках буйно вал огромный,
И ветер птиц от гнезд родимых гнал,
И гомон их, и крик не умолкал.
Метались рыбы, и пугались звери;
Вихрь окна в храме вырывал и двери;
Рождал он в духах, злых и добрых, гнев.
Светильники дымились, догорев.
Шатались колокольни и ограды,
И разбивались вдребезги лампы.
И были вазы ветром снесены:
Осколки их валялись у стены.

Разорваны хоругви были в клочья,
Угасло пламя. Мрак настал, как ночью.
Курильницы попадали ничком,
И пепел жертвенный развеялся кругом.

И вот после одного из таких бешеных порывов ветра Трипитаке вдруг слышалось, что кто-то у двери храма тихонько позвал его:

— Учитель!

Трипитака вскочил и, еще не совсем очнувшись от сна, выглянул за дверь. Там стоял человек. С его волос и одежды ручьями текла вода, из глаз лились слезы.

— Учитель, учитель! — непрерывно повторял незнакомец.

— Ты, вероятно, какой-нибудь злой дух, оборотень или черт, явившийся сюда ночью, чтобы подшутить надо мной, — сказал Трипитика. — Так знай же, что я не жаден, не корыстолюбив. Я — умудренный знаниями монах. По велению китайского императора Великих Танов я следую в Индию, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Меня сопровождают три моих ученика, все — доблестные герои. Они умеют усмирять драконов, покорять тигров и уничтожать злых духов. Если ты попадешься им на глаза, они сотрут тебя в порошок. Однако я — человек гуманный и желаю тебе только добра. Уходи-ка отсюда подобру-поздорову и не появляйся больше у дверей храма.

— Учитель! — отвечал незнакомец, прислонившись к стене. — Я вовсе не злой дух, не оборотень и не черт.

— Раз ты не злой дух, не оборотень и не черт, зачем ты появился здесь глубокой ночью?

— А вы всмотритесь в меня повнимательнее, учитель.

Трипитака последовал его совету, и, как вы думаете, кого же он увидел?

В высокой шапке
Появился он,
В халат свой золотистый
Облачен;
А на халате

Вышиты драконы
И фениксы
Дающие поклоны.
И вышиты на туфлях
Облака;
Сжимала скипетр яшмовый
Рука.
Семь звезд Ковша
На скипетре блитали;
Черты его
Того напоминали,
Кому был Дун-юэ
Властительный удел,
А облик он такой,
Как бог Вэнь-чан, имел.
Премудрый этот бог,
Высокопросвещенный,
К литературе нашей
Благосклонный.

От волнения Трипитака даже в лице изменился.

— Вы из какого царствующего дома, ваше величество?! — громко спросил он, поспешив склониться перед пришельцем в почтительном поклоне. — Прошу вас, садитесь!

Он хотел усадить своего гостя, но рука его поймала пустоту. Тогда он отошел и сел, однако, взглянув перед собой, снова увидел незнакомца.

— Ваше величество, — обратился к нему Трипитака. — Где находится ваше царство? Очевидно, в вашей стране не все спокойно, вы подвергаетесь оскорблениям своих коварных сановников и решили ночью бежать, чтобы спасти жизнь. Если вы хотите что-нибудь сказать, говорите, пожалуйста, я вас слушаю.

У незнакомца еще сильнее полились слезы, и он с горечью поведал Трипитаке обо всех своих бедах.

— Учитель, — начал он. — Мой дом находится всего в сорока ли отсюда, прямо на Запад. Там есть город, окруженный стеной и рвом, — это и есть то место, где я основал династию.

— А как это место называется? — спросил Трипитака.

— Мне нечего скрывать от вас, учитель, — отвечал незнакомец, — это и есть государство, которое я основал в свое время и впоследствии переименовал его в Уцзиго.

— Что же вас встревожило, ваше величество, и почему вы прибыли сюда? — спросил Трипитака.

— Учитель, — отвечал незнакомец. — Пять лет назад эти края пострадали от засухи. Посевы погибли. Люди умирали с голоду, и мне было очень тяжело.

— Но, ваше величество, — покачив головой, с улыбкой сказал Трипитака, — еще в старину говорили: «Когда государь справедлив, то и небо посылает ему свои милости». Очевидно вы забыли о том, что надо проявлять гуманность к своим подданным. Коль скоро у вас наступил голод, зачем вы покинули вашу страну? Возвращайтесь обратно, откройте амбары, поможете народу и покайтесь в содеянных вами несправедливых поступках. Начните творить добро, объявите о помиловании всех безвинно осужденных, и небо ниспошлет вам благодатный дождь.

— Наши амбары были пусты, — отвечал незнакомец. — В казне не было ни гроша. Нечем даже было выплачивать жалованье гражданским и военным служащим. Мне самому приходилось довольствоваться постной пищей. Как великий Юй, усмиривший реки, я вместе с народом терпел радости и беды, совершал омовения и соблюдал посты. Ни днем, ни ночью мы не переставали молиться и возжигать фимиам. Так продолжалось ровно три года. Но засуха не кончалась, реки и колодцы высохли. И вот, когда бедствие, казалось, достигло предела, с гор Чжуннаньшань к нам пришел один бессмертный, который обладает способностью вызывать ветер и дождь и превращать камень в золото. Он повидался сначала с моими гражданскими и военными чиновниками, а затем явился ко мне, и я тотчас же попросил его совершить моление о дожде, на что он охотно согласился. Как только в его руках зазвенела пластинка повелений, полил дождь. В тот момент мне казалось, что если осадков выпадет в количестве трех чи, то этого будет вполне достаточно. Однако бессмертный заявил, что, поскольку засуха стоит давно, надо, чтобы осадков было на два цуня больше этого количества. За его доброту я совершил перед ним восемь поклонов и назвал его своим младшим братом.

— Так ведь вам привалило огромное счастье, ваше величество! — сказал, выслушав его, Трипитака.

— Какое там счастье! — возразил незнакомец.

— А как же! Раз этот бессмертный обладает такими способностями, — сказал Трипитака, — он, как только понадобится, может вызвать дождь, а из камня сделать золото. Теперь у вас ни в чем не должно быть недостатка, почему же вы покинули свою страну?

— Целых два года, — продолжал незнакомец, — я спал и ел вместе с этим бессмертным. И вот, когда наступила третья весна, зацвели персики и абрикосы и распустились цветы, и стар, и млад, и простолюдин, и знатный человек, — все вышли насладиться весенним теплом и полюбоваться весенними пейзажами. Чиновники ушли из Ямыня, а жены и наложницы бродили по дворцу. В это время мы с бессмертным, прогуливаясь рука об руку, пришли в императорский сад и как-то незаметно очутились у восьмигранного хрустального колодца. Мой спутник бросил в колодец какую-то вещь, и оттуда появилось золотое сияние. Бессмертный позвал меня, будто взглянуть на драгоценность, брошенную в колодец. На самом же деле он замыслил недоброе и, как только я подошел к колодцу, толкнул меня туда; затем он завалил колодец камнем и землей и посадил банановое дерево. Пожалейте меня, учитель! Три года прошло с тех пор, как я превратился в бесприютного духа, — запричитал незнакомец.

Услышав, что перед ним дух, Трипитака снова испугался и почувствовал слабость в коленях. Однако ему ничего не оставалось делать, как продолжать начатый разговор.

— Вы говорите весьма странные вещи, ваше величество, — сказал он. — Если вы умерли три года назад, то почему вас не разыскивают ваши многочисленные подчиненные, ваши жены и наложницы, которые должны ежедневно являться к вам на прием?

— О учитель! — отвечал незнакомец. — Этот бессмертный обладает редкими способностями. Погубив меня, он тут же в саду встряхнулся и превратился в точную мою копию. С того времени он завладел моей страной, и все мои чиновники, четыреста придворных служащих, жены в трех дворцах, наложницы шести палат подвластны ему.

— Простите, ваше величество, — сказал Трипитака, — но человек вы очень несмелый.

— Почему вы так думаете? — удивился незнакомец.

— Если этот бессмертный, пустив в ход волшебство, сумел принять ваш образ и захватить вашу страну, о чем не знают ни ваши чиновники, ни ваши жены, а знаете вы один, вы должны обратиться с жалобой к владыке ада Янь-вану.

— Его волшебная сила необычайно велика, — сказал незнакомец, — кроме того, он водит дружбу с владыками царства смерти. Бог — покровитель моего города — постоянно с ним пирует, а драконы — цари морей тоже его лучшие друзья. Цитянь — владыка горы Тайшань — его близкий приятель, а десять судей царства смерти — его названные братья. Теперь вы сами видите, что мне некому пожаловаться.

— Раз вам некому пожаловаться, — сказал тогда Трипитака, — зачем вы явились в царство света?

— Учитель, — отвечал незнакомец, — разве осмелился бы я, бесприютный дух, прийти и беспокоить вас! Дело в том, что возле этого монастыря сейчас находятся духи всех небес, охраняющие законы Будды, даосские духи тьмы и света — Людин и Лю-цзя, духи — распространители учения Будды, духи-стражи времени и восемнадцать духов, защищающих буддийскую религию, которые все следуют за вами. Только что я был подхвачен порывом ветра, вызванным ночным духом, и вмиг очутился здесь. Этот дух сказал, что трехлетний срок моих испытаний кончился, велел мне явиться к вам и поклониться. От него мне стало известно, что у вас есть ученик по прозвищу Великий Мудрец, равный небу, который обладает огромной волшебной силой, умеет усмирять злых духов и чертей. Вот я и пришел поклониться вам и нижайше просить отправиться в мою страну, изловить злого волшебника и восстановить спра ведливость. А уж я, как только представится случай, постараюсь отблагодарить вас за эту милость.

— Значит, — сказал Трипитака, — вы пришли просить моего ученика уничтожить поселившегося у вас злого духа?

— Совершенно верно, — подтвердил незнакомец.

— Если бы вы стали уговаривать моего ученика сделать для вас что-нибудь другое, — сказал Трипитака, — то вряд ли он смог бы для вас быть полезным, но усмирять злых духов он любит больше всего на свете. Послать его в вашу страну, конечно, можно, боюсь только, как бы мы не нарушили закона.

— Каким образом? — спросил незнакомец.

— Вы говорили, что дух этот обладает огромной волшебной силой, — сказал Трипитака, — и сумел даже превратиться в точную вашу копию. Теперь все ваши сановники преданы ему, а ваши жены питают к нему чувство привязанности. Поэтому какими бы способностями мой ученик ни обладал, вряд ли он решится пустить в ход оружие. Ваших подчиненных очень много и, если им удастся схватить его, нас могут обвинить в подрыве устоев государства и посадят в тюрьму. Да, все это очень сложно! Не будет ли это равносильно тому, что мы начнем рисовать тигра, а у нас получатся только лебеди!

— Во дворце есть преданный мне человек, — отвечал незнакомец.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Трипитака. — Это, очевидно, один из наследных принцев? В какую область вы направили его нести оборону?

— Нет, — отвечал незнакомец, — это мой родной сын — законный наследник престола. Он живет во дворце.

— Но, очевидно, ваш наследник разжалован злым волшебником, — сказал Трипитака.

— Пока еще нет, — сказал незнакомец. — Но он находится либо в зале Золотых колокольчиков,

либо в зале Пяти фениксов. А может быть, занимается науками с учеными мужами или же с этим бессмертным сидит на троне. Во всяком случае, последние три года ему запрещено появляться во дворце и даже видаться с матерью.

— Почему же это? — удивился Трипитака.

— Так хочет волшебник, — сказал незнакомец. — Он боится, что если мать с сыном будут встречаться, то в разговоре у них могут возникнуть какие-нибудь подозрения. Поэтому он и не разрешает им видаться, надеясь навсегда остаться на троне.

—| Это небо послало вам испытание. Когда-то мне пришлось пережить нечто подобное. Мой отец был убит речным разбойником, который похитил мою мать. А через три месяца после этого печального события родился я. Меня положили в корзину и пустили в реку. К счастью, я приплыл к монастырю Цзиньшаньсы и попал в руки к его настоятелю, который воспитал меня. Я хорошо знаю, что значит расти без родителей, и потому глубоко сочувствую вашему сыну. Но я не представляю себе, как можем мы встретиться с ним?

— А что же в этом трудного? — спросил незнакомец.

— Ведь он находится под строжайшим надзором волшебника, и не может встречаться даже с матерью. Как же я, простой монах, смогу объяснить свое желание повидаться с ним?

— Завтра утром он выедет из дворца, — сказал незнакомец.

— Куда же он отправится? — спросил Трипитака.

— На охоту. Его будет сопровождать отряд в три тысячи человек, с соколами и собаками. И тут, конечно, вы сможете встретиться с ним. Умоляю вас, передайте ему все, что я сказал. Он поверит вам.

— Но ведь он — простой смертный, — возразил Трипитака. — И, как все во дворце, обманут волшебником, к которому он по несколько раз в день обращается, как к своему отцу. Как же он может поверить мне?

— Ну, тогда я дам вам одну вещь, — сказал незнакомец.

— Какую именно? — поинтересовался Трипитака.

— Эта вещь послужит вам как бы условным знаком. — С этими словами незнакомец положил перед Трипитакой жезл из белого нефрита с золотыми краями.

— Что это за вещь? — спросил Трипитака.

— Когда волшебник принял мой облик, — сказал незнакомец, — ему доставало только одной этой вещи. После того как он погубил меня, приняв мой образ, вернулся во дворец, он заявил, что этот жезл у него похитил волшебник. Так все эти три года он и не имеет этой регалии. И если теперь мой сын увидит этот жезл, он все поймет и отомстит за меня.

— Ну, что ж, оставьте этот жезл, — сказал Трипитака. — Я скажу своему ученику, чтобы он помог вам. Но где вы будете ждать его?

— Я не могу ждать, — ответил незнакомец. — Мне надо уходить. Сейчас я попрошу ночного духа, чтобы он вызвал ветер и доставил меня во дворец. Я явлюсь во сне своей супруге и скажу ей, чтобы она с сыном помогли вам и вашим ученикам.

— Хорошо, отправляйтесь, — согласился Трипитака.

После этого дух совершил перед Трипитакой земной поклон и распрощался с ним. Трипитака поднялся было, чтобы проводить его, но неожиданно споткнулся и упал. Тут он окончательно проснулся и понял, что все это был сон. Свеча догорала. Трипитака сидел испуганный и взволнованный.

— Ученики! Ученики! — стал он звать.

— Кто это тут о земле заговорил? — заворчал, проснувшись, Чжу Ба-цзе. — В прежние времена, когда я был еще добрым молодцем, я питался человеческим мясом и бараниной. Вот это была жизнь. Из-за вас я пошел в монахи, вы заставили всех нас сопровождать вас в вашем путешествии. Сначала вы сказали, что мы будем просто монахами, а теперь превратили нас в настоящих рабов. Днем тащи коромысло с вещами и веди коня, ночью — подавай горшки да согревай вас своим телом! И сами не спите и своим ученикам не даете никакого покоя.

Тут снова раздался голос Трипитаки:

— Ученики мои! Я только что видел какой-то странный сон.

— Учитель, — сказал, вскочив на ноги, Сунь У-кун. — Снится всегда то, о чем думаешь. Как только вы попадаете в горы, у вас возникает страх перед духами, либо вы начинаете опасаться, что не доберетесь до монастыря Бога грома. Еще вы часто вспоминаете Чанъань и думаете о том, когда вернетесь на родину. От этих мыслей у вас и бывают разные сны. А вот у меня только одно искреннее желание — добраться до Запада и поклониться Будде. Поэтому мне ничего не снится.

— Ученик мой, — отвечал на это Трипитака. — Сон, который я видел сейчас, вовсе не навеян думами о родине. Я видел ураган, потом неожиданно в дверях появился какой-то человек. В беседе он сообщил мне, что является правителем государства Уцзиго. С него ручьем стекала вода, а из глаз лились слезы.

Трипитака подробно передал Сунь У-куну разговор, который он вел с явившимся ему во сне гостем.

— Ну, теперь мне все ясно, — выслушав его, со смехом сказал Сунь У-кун. — Он приснился вам специально для того, что-бы задать мне работу. Волшебник, о котором вам рассказал ночной гость, видимо решил завладеть царством. Ну, что же, ждите меня здесь, а я пойду расправлюсь с этим волшебником. Стоит мне только появиться там со своим посохом, и победа будет на моей стороне.

— Ученик мой, — сказал Трипитака. — Явившийся мне во сне человек говорил, что этот волшебник обладает огромной силой.

— Очень я боюсь его! — сказал Сунь У-кун. — Да не успеет он услышать о моем появлении, как от страха не будет знать куда деваться.

— Ах, да, — вспомнил Трипитака, — ведь он оставил тут какой-то талисман.

— Ну, что вы туман напускаете, учитель? — вмешался Чжу Ба-цзе. — Видели сон, и ладно. Зачем же зря болтать?

— «Когда человек не способен верить в честность, он все равно должен отвечать любезностью на любезность», — сказал Ша-сэн. — Давайте зажжем фонарь, выйдем и посмотрим, что там делается.

Так они и сделали. И вот при свете звезд и луны они действительно увидели жезл из белого нефрита с золотыми краями. Он лежал прямо на ступеньках. Чжу Ба-цзе подошел, взял его в руки и сказал, обращаясь к Сунь У-куну:

— Взгляни-ка, брат, что это за штука такая?

— Эту штуку государи держат в руке, и называется она скипетром, — сказал Сунь У-кун. — Учитель!.. — обратился он вслед за тем к Трипитаке, — теперь мы убедились в том, что все рассказанное вами не сон, а действительность. Завтра я непременно изловлю этого волшебника. Но для этого мы должны выполнить три условия.

— Ну и дела! — съехидничал Чжу Ба-цзе. — То, что вы видели сон, — это полбеды, но свой сон вы рассказали Сунь У-куну. А ведь он — известный мастер надувать людей, вот теперь он и диктует вам три условия.

— Чего ж ты от меня требуешь? — спросил Трипитака, возвращаясь в помещение.

— Во-первых, завтра вы должны перенести множество испытаний, во-вторых, болезнь и, в третьих, стерпеть унижения и оскорбления.

— Пожалуй, и одно из этих условий невозможно выполнить! — воскликнул со смехом Чжу Бацзе. — Не то что три.

Будучи человеком умным и положительным, Танский монах спросил Сунь У-куна:

— Ученик мой, о каких же трех условиях ты говорил?

— Распространяться об этом я не стану, — сказал Сунь У-кун, — а сейчас прежде всего я хочу передать вам две вещи.

С этими словами наш Великий Мудрец вырвал у себя волосок, дунул на него и произнес заклинание:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в красный лакированный ящичек с золотыми узорами. Сунь У-кун положил в него скипетр и сказал:

— Возьмите эту вещь, учитель, и, когда наступит рассвет, наденьте свою парчовую рясу, расшитую золотом, и пойдите к главному храму читать псалмы. А я побываю в стране, о которой рассказал вам ночной гость, и постараюсь расправиться с волшебником. Это вы должны зачесть мне как заслугу. Если же все это неправда, я не стану поднимать шума.

— Вот и отлично! — обрадовался Трипитака.

— Если принц не отправится на охоту, мы ничего предпринимать не будем, — продолжал Сунь У-кун. — Но, если он действительно выедет из города, я непременно сделаю так, чтобы он встретился с вами.

— Что же я должен делать, когда увижусь с ним? — спросил Трипитака.

— Я сообщу вам, когда он будет приближаться, — сказал Сунь У-кун. — Тогда вы слегка приоткроете ящичек. Я же в этот момент при помощи волшебства уменьшу свое тело до двух цуней, и вы положите меня в этот ящичек. Как только принц подъедет к монастырю, он, несомненно, выразит желание поклониться Будде. Но вы делайте вид, что не замечаете его. Тогда принц рассердится и прикажет схватить вас. Дайте ему возможность делать с вами все, что он захочет. Если он прикажет бить вас, пусть бьют, вязать — пусть вяжут, если даже прикажет казнить, вы не возражайте.

— Как же так? — изумился Трипитака. — Ведь он обладает огромной властью. А что, если он действительно казнит меня?

— Вы ни о чем не беспокойтесь, учитель, и во всем положитесь на меня, — сказал Сунь У-кун.
— Если вам будет угрожать опасность, я приду на помощь. Возможно, он спросит, кто вы такой. Скажите, что вы—монах и идете по велению китайского императора в Индию поклониться и поднести дары Будде и попросить у него священные книги. Если он поинтересуется, какие вы везете подарки, покажите ему свою рясу и скажите, что это самый скромный из подарков и что у вас есть еще две более ценных вещи. Он, конечно, станет спрашивать, какие это вещи, скажите ему, что один из этих подарков помогает узнавать все события, случившиеся за последнее тысячелетие, и все то, что произойдет в последующие пятьсот лет. После этого выпустите меня из ящика. И тут я расскажу принцу ваш сон. Если он поверит мне, я захвачу волшебника. Тем самым мы отомстим за смерть правителя Уцзиги и, кроме того, добудем себе славу. Но может случиться, что принц не поверит. Тогда вы покажете ему жезл из белого нефрита. Боюсь только, что по молодости лет он не узнает этого жезла.

Речи Сунь У-куна обрадовали Трипитаку, и он сказал:

— Ученик мой, лучше и не придумаешь! Итак, первый подарок — это парчовая ряса, второй — жезл из белого нефрита, а вот третий, то есть, ты сам, как будешь называться?

— А называйте меня Драгоценность, водворяющая на трон царей, — и все, — сказал Сунь У-кун.

И Трипитака крепко-накрепко запомнил это название. Так ему с его учениками и не пришлось поспать в эту ночь. Они не могли дождаться рассвета, нетерпеливо встряхивали головой, призывали солнце разогнать мрак и рассеять усыпавшие небо звезды.

Через некоторое время восток стал светлеть. Сунь У-кун, перед тем как отправиться в путь, давал последние наставления Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

— Не тревожьте монахов, — говорил он, — не разрешайте им без нужды выходить из монастыря. Ждите, пока я вернусь, и мы вместе продолжим наш путь.

После этого он издал резкий свист и, сделав прыжок, взвился в воздух. Здесь он широко раскрыл глаза и пристально посмотрел на запад. И, действительно, он увидел перед собой какую-то страну. Вас, вероятно, удивит, каким же образом это ему удалось? Но это было совсем нетрудно, так как страна эта, как вам уже известно, находилась всего в сорока ли от монастыря, и с высоты ее хорошо было видно.

Приблизившись к городу и присмотревшись более внимательно, Сунь У-кун увидел, что над страной этой сгустились какие-то странные, зловещие тучи, а злой и сердитый ветер кружит и мечется в воздухе, и он подумал:

«Если бы здесь правил настоящий государь, страну озаряло бы радужное сияние. Но тронном завладел волшебник. Вот почему императорский дворец окутан зловещими тучами».

И вот, в то время как Сунь У-кун вздыхал, находясь под впечатлением увиденного, неожиданно раздался сильный грохот, восточные ворота распахнулись и оттуда вылетел отряд всадников. Это были охотники. Все они имели воинственный вид.

На равнину с низкой травой
Шли через восточные ворота;
С самого рассвета начиналась
Жаркая облавная охота.
Развевались яркие знамена
И на солнце золотом блистали;
Кони белые навстречу ветру
Весело и бешено скакали.
И дун-дун — удары барабана
(Он — из аллигаторовой кожи!)
Разносились по степи широкой,
На грозу весеннюю похожи.
По двое держались копьеносцы,
Доезжачие ступали смело,
Шли сокольничьи, свирепо глядя,
Всадников сверкали самострелы.
Ставились силки на малых тропах,
Клейкие шесты для птиц проворных,
Напрягался лук, резьбой покрытый,
И стелилась сеть на склонах горных.
На равнине что-то загремело,
Вдруг раздался звук ужасной силы,
Тысяча охотников могучих
Барсов и медведей обложила.
Даже заяц не нашел спасенья,

И пришел конец тогда лисице,
Хитрая сайга изнемогала,
Некуда укрыться было птице.
И куда могли спастись фазаны?
Чтоб добычу взять — везде засады,
И деревья на горах рубились,
Чтобы птицам не давать пощады.

Охотники выехали из города и рассыпались по восточному предместью на расстоянии двадцати ли. На одном из холмов был разбит лагерь, в котором обосновался молодой воин. В шлеме и разноцветной кольчуге в восемнадцать слоев, защищавшей его так же, как скорлупа защищает орех, с мечом в руках, он восседал на пегом коне. Сбоку у него висели лук и колчан, наполненный стрелами.

Князьям присущий величавый вид,
Надменность государя — в обращение,
Его осанка, речь — все поведение
О сани императора твердит.

«Ну, теперь мне все ясно, — думал довольный Сунь У-кун. — Нет никаких сомнений в том, что это и есть наследный принц. Попробую-ка я подшутить над ним».

И вот чудесный Великий Мудрец спустился на облаке вниз, ринулся в толпу всадников и, очутившись перед принцем, встряхнулся и превратился в белого зайца. Тут он что было мочи пустился наутек. Увидев зайца, принц обрадовался, быстро выхватил стрелу и, натянув до отказа лук, выстрелил. Стрела попала в цель. Все это Великий Мудрец подстроил умышленно. Стрелу, благодаря своей ловкости и проворности, он успел поймать, а сам бросился бежать дальше.

Увидев, что стрела попала в цель, принц подстегнул коня и ринулся вдогонку за зайцем. Когда конь несясь вскачь, Сунь У-кун летел словно ветер, но стоило коню замедлить бег, и Сунь У-кун делал то же самое: он все время старался быть на виду у принца. Они долго бежали, пока наконец Сунь У-кун не заманил своего преследователя к монастырю. Тут он принял свой обычный вид, и в решетке ворот осталась торчать одна только стрела. Вбежав в помещение, Сунь У-кун крикнул:

— Учитель, он здесь!

С этими словами Сунь У-кун превратился в крохотного монаха, величиной в два цуня, и

забрался в лакированный ящичек.

Между тем, подскакав к воротам монастыря и увидев только стрелу с оперением, принц от страха даже в лице изменился. «Что за чудеса! — изумленно думал он. — Ведь я совершенно отчетливо видел перед собой зайца. Куда же он девался? Осталась только стрела. Не иначе как этот заяц был уже чересчур стар и превратился в оборотня».

Он поднял стрелу, посмотрел вверх и заметил над воротами надпись из пяти огромных иероглифов: «Монастырь Баолинь, построенный по указу императора».

«А ведь я слышал об этом монастыре, — подумал принц. — Помню, как несколько лет назад мой отец-государь посылал сюда чиновников. Они доставляли деньги в качестве подаяния для монахов, а также для исправления помещения и изображений Будды. И вот сегодня я совершенно неожиданно сам очутился здесь. Не зря говорится: «Проезжая мимо монастыря, непременно послушай проповедь монахов». За всю свою жизнь я хоть на полдня оказался свободным. Войду-ка я в монастырь, поброжу там».

Он спешил и хотел войти в ворота, но в этот момент увидел подоспевшую к нему охрану и отряд охотников в три тысячи человек. Все они с шумом подскакали к воротам монастыря. Переполошившиеся монахи поспешили выйти навстречу и приветствовали их земными поклонами. Затем они провели прибывших в главный храм, где принц должен был поклониться Будде. Осмотрев храм, принц собрался было выйти на террасу, чтобы полюбоваться окрестностями, но вдруг заметил посреди храма монаха.

— Что за грубиян! — гневно спросил принц. — Сегодня утром состоялся мой выезд в горы. Правда, я не приказывал оповещать об этом всех и потому не могу требовать, чтобы меня встречали с должными почестями. Но встать этот монах по крайней мере должен. А он сидит словно истукан. Взять его! — приказал принц.

И не успел он отдать приказания, как стоявшие по обеим сторонам от него воины тотчас же бросились к Трипитаке, схватили его и приготовились вязать. В это время Сунь У-кун, находившийся в ящичке, читал про себя заклинание: «Духи всех небес, охраняющие законы Будды, духи Лю-дин и Лю-цзя. Я собираюсь уничтожить злого волшебника. Но принц не знает этого и поэтому хочет связать учителя, которого вы давно охраняете. Внимательно наблюдайте, как связывают учителя: если веревки причинят ему вред — вы ответите за это!»

Кто мог осмелиться нарушить приказ Великого Мудреца? Теперь Трипитака находился под такой надежной охраной, что до него и пальцем нельзя было дотронуться.

— Кто ты такой, что смеешь оскорблять меня и при помощи волшебства защищать свое тело? — опросил принц.

Тогда Трипитака подошел к принцу и, кланяясь ему, сказал:

— Я совсем не обладаю способом укрытия своего тела. Я — Танский монах, иду из Китая в храм Раскатов грома, чтобы поклониться и поднести дары Будде и испросить у него священные книги.

— Земли в Китае хоть и плодородны, но страна эта нищая, — сказал принц. — А скажи мне, какие ты везешь драгоценные подарки?

— Вот ряса, которую вы видите на мне, — отвечал Трипитака. — Но это — самый скромный из трех подарков. У меня есть более ценные два подарка.

— Как ты смеешь называть драгоценностью рваную одежду, которая не может даже прикрыть твоего тела? — сказал принц. — Да она гроша медного не стоит.

— Может быть, вы и правы, — сказал на это Трипитака, — однако о моей рясе сложены стихи:

Буддийская одежда не должна
Бесстыдным подвергаться пересудам,
И суете мирской чужда она:
Лишь истину хранит она под спудом,
И восемь драгоценностей на ней,
И девять ослепительных жемчужин
Дают здоровье изначальных дней
И тот покой, который сердцу нужен.
Ее соткали феи на лету
И для того ее мне подарили,
Чтоб ею прикрывал я наготу!
Невежество — пустяк! Его б простили,
Беда ль, что я не поклонился вам!
Но плохо, что родителя обида
До сей поры не отмщена врагам,
И, значит, человек ты только с виду.

— Что за чепуху городит этот негодяй! — гневно закричал принц. — В таких лохмотьях можно быть и поскромнее, заносчивость тебе не к лицу! Ну-ка скажи, чем обидели моего отца?

Трипитака приблизился к принцу и, почтительно сложив руки, молвил:

— Ваше высочество, о каких благодеяниях человек не должен забывать всю жизнь?

— Человек не должен забывать о четырех благодеяниях, — отвечал принц.

— О каких же именно? — снова спросил Трипитака.

— О благодеянии неба и земли: первое дает нам покров, вторая — носит нас на себе, — отвечал принц, — о благодеянии солнца и луны, которые принесли нам свет, о благодеянии государства и правителя, которые кормят нас, и о благодеянии родителей, родивших и воспитавших нас.

— Вот тут-то вы, ваше высочество, и ошибаетесь, — с улыбкой оказал Трипитака. — Небо и земля дали нам основу и покров, солнце и луна принесли свет, государство и правитель кормят нас. Все это верно. Но откуда взялось благодеяние родителей, выражающееся в рождении и воспитании нас?

— Да ты, видно, смутьян и под видом монаха скитаешься по разным местам и ешь чужой хлеб! — сердито проговорил принц. — Кто же нас воспитывает, если не родители?

— Этого я, ваше высочество, не знаю, — отвечал Трипитака. — Но вот здесь, в красном ящичке, у меня спрятан талисман, который называется Драгоценность, водворяющая на трон царей. Ему известно все, что произошло за последнее тысячелетие, и все, что случится в последующие пятьсот лет. Он знает также, что не существует четвертого благодеяния. Он же сказал, чтобы я ждал вас здесь.

— Ну, что ж, дай я взгляну на твой талисман, — сказал принц.

Тут Трипитака приоткрыл ящичек, и Сунь У-кун очутился на воле. Принц увидел крохотного человечка, который начал метаться во все стороны.

— Да что может знать такой малютка? — удивился принц.

Услышав это, Сунь У-кун пустил в ход волшебство и постепенно начал увеличиваться, пока не стал в три чи и пять цуней ростом. Воины глазам своим не верили.

— Если он не перестанет расти, то через несколько дней, пожалуй, проломит небесный свод, — говорили они между собой.

Однако опасения их были напрасны. Сунь У-кун принял свой обычный вид и больше не увеличивался.

— Драгоценность, водворяющая на трон царей, — сказал тут принц, обращаясь к Сунь У-куну.
— Этот монах говорит, будто ты знаешь все, что было в прошлом, и все, что случится в будущем. Ты что же — гадаешь на панцирях черепах или на тысячелистнике? А можешь ты предсказывать судьбу по книгам?

— Ничего этого мне не нужно, — отвечал Сунь У-кун. — Я пользуюсь только собственным языком, которым предсказываю все события.

— Что за чушь! — сказал принц. — С древних времен наиболее сокровенной книгой была «Книга перемен», по которой определялись все счастливые события, а также беды в Поднебесной. Благодаря ей каждый человек знал заранее, как ему поступать в том или ином случае. Простой народ гадал на панцирях черепах или же на тысячелистнике. На чем же основываются твои предсказания? Своими глупыми речами ты только зря тревожишь людей.

— Зачем делать поспешные выводы, ваше высочество? — сказал Сунь У-кун. — Послушайте лучше, что я вам скажу. Ведь вы — наследник престола в государстве Уцзиго. Помните, пять лет назад, когда вашу страну постиг неурожай и народ страдал от голода, ваш отец-государь и его сановники совершали моления о дожде, но дождя все не было. И вот тогда к вам пришел даос с горы Чжуннаньшань. Этот даос умел вызывать ветер и дождь, а также переплавлять камень в золото. Даос пришелся по нраву вашему батюшке, и они даже побратались. Правду я говорю?

— Правду, — подтвердил принц, — продолжай, прошу тебя!

— Ну, а три года назад этот даос исчез, так, спрашивается, кто же остался сиротой?

— Действительно, был такой даос, — стал припоминать принц, — и мой батюшка стал его побратимом. Они, как говорится, и ели и спали вместе. Но вот однажды, когда они гуляли в саду, даос вызвал ветер и, взяв у отца жезл из белого нефрита с золотым ободом, вернулся на гору Чжуннаньшань. Мой отец до сих пор скучает по другу, ничто его не радует, и вот уже три года, как он приказал закрыть сад. Неужели на троне сидит кто-то другой, а не мой отец?

Слушая принца, Сунь У-кун только улыбался. И когда принц повторил свой вопрос, он продолжал молчать.

— Почему ты, мерзавец, не отвечаешь? — возмутился принц. — Что значат твои улыбки?

— Я многое еще должен сказать вам, — молвил Сунь У-кун, — но, к сожалению, мы с вами здесь не одни и я не могу этого сделать.

Принц решил, что Сунь У-кун прав и, махнув рукавом, приказал свите удалиться. Сопровождавшие его командиры тотчас же отдали приказ, и весь отряд в три тысячи человек покинул монастырь и расположился во дворе. Теперь в храме никого не осталось, кроме принца, который сидел на возвышении, Трипитаки и Сунь У-куна. Монахи тоже удалились.

Тогда Сунь У-кун с серьезным видом подошел к принцу и сказал:

— Ваше высочество, ветер унес вашего родного отца, а правит страной даос.

— Ерунда все это! — воскликнул принц. — После того как даос ушел от нас, мой отец спокойно правит страной. Нашу землю часто орошают благодатные дожди, народ живет в мире и спокойствии. А ты говоришь, что страной правит не мой отец. Лишь потому, что я молод, я прощаю тебя. Но если бы эти твои слова услышал мой отец, он немедленно приказал бы схватить тебя и разрубить на мелкие части.

Принц был так рассержен, что почти выкрикнул эти слова.

— Вот видите, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к Трипитаке. — Говорил я вам, что он не поверит! Что же, ничего не поделаешь! Остается лишь одно — передать ему талисман и продолжать наш путь.

Трипитака передал Сунь У-куну красный ящичек. Взяв его, Сунь У-кун встряхнулся, и ящичек тотчас же исчез: волосок, превращенный Сунь У-куном в ящичек, вернулся на свое место. А жезл из белого нефрита Сунь У-кун обеими руками почтительно преподнес наследнику престола.

— Ай да монах! — воскликнул принц, увидев жезл. — Пять лет назад ты появился у нас под видом даоса, и обманом завладел нашим фамильным сокровищем. Теперь же, в образе монаха, ты решил вернуть его нам. Взять его! — крикнул принц.

Трипитака не на шутку испугался и в замешательстве, указывая на Сунь У-куна, сказал:

— И все это ты, проклятый бимаваэнь, стараешься накликать беду, да еще впутываешь меня!

Сунь У-кун поспешно подошел к принцу и, взяв его за руку, сказал:

— Не кричите! Не разглашайте тайны! Я вовсе не Драгоценность, водворяющая на трон царей, а у меня другое имя!

— Подойди сюда! — сердито приказал принц. — И говори свое настоящее имя. Я велю судить тебя!

— Я старший ученик этого почтенного монаха и зовут меня Сунь У-кун — странствующий монах. Я сопровождаю учителя в его паломничестве на Запад за священными книгами. Вчера вечером мы подошли к этому монастырю и попросились на ночлег. Мой учитель до третьей ночной стражи читал священное писание и вдруг задремал. Во сне к нему явился ваш отец и сказал, что даос сбросил его в колодец, а сам принял его вид. Никому из сановников это и в голову не могло прийти. А вы по молодости лет тоже не смогли разобраться в этом. Он

запретил вам входить во дворец, закрыл сад, видимо опасаясь, как бы его преступление не раскрылось. Так вот, ваш отец явился сегодня ночью как раз для того, чтобы попросить нас усмирить злого волшебника. Вначале я сам не верил этому, но, когда поднялся в воздух и увидел зловещие тучи, сгустившиеся над вашей страной, понял, что все это чистая правда. Я уж совсем было собрался отправиться в ваши владения на расправу со злым духом, но тут увидел, что вы едете с отрядом на охоту. Белым зайцем, в которого попала ваша стрела, — был я. Я заманил вас к этому монастырю для того, чтобы вы встретились с моим учителем и узнали всю правду. Вы узнали этот жезл и теперь должны принести нам благодарность и во что бы то ни стало отомстить за отца.

Принц был очень опечален.

«Нельзя не верить тому, что говорят эти люди, — думал он. — Ведь у них есть три доказательства. Но если верить им, то как я теперь встречу со своим отцом?»

Принц не знал, что делать. Видя, что он колеблется, Сунь У-кун подошел к нему и сказал:

— У вас не должно быть никаких сомнений, ваше высочество! Возвращайтесь сейчас в город, повидайтесь с матерью и узнайте только об одном: не изменились ли у нее за последние три года отношения с отцом. Больше ни о чем не надо спрашивать. Все сразу прояснится.

— Совершенно верно, — согласился наследник. — Сейчас я вернусь в город, а вы ждите меня здесь.

С этими словами он вскочил, схватил жезл и почти бегом бросился к дверям. Но тут Сунь У-кун остановил его.

— Если вы вернетесь в город вместе с вашим отрядом, — сказал он, — наша тайна раскроется, и мне трудно будет добиться успеха. Вам следует возвратиться одному, тайно, без всякого шума. Причем въезжайте не через главные ворота, а через боковые. Когда прибудете во дворец и встретитесь с матерью, ни в коем случае громко не разговаривайте, а то кто-нибудь услышит. Если только волшебник заподозрит что-нибудь, вам и вашей матери будет грозить смертельная опасность.

Принц послушался совета Сунь У-куна и, выйдя из монастыря, приказал своим командирам:

— Вы оставайтесь пока здесь, а я скоро вернусь, мне нужно съездить в город.

Отряду приказав остановиться,

Он на коня вскочил и в город мчится.

Если вам интересно узнать о том, как принц встретился с матерью и какой между ними произошел разговор, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287336>